

отличить ее как от политических суррогатов (аппаратной интриги, бюрократического администрирования), так и от различных проявлений семейной, корпоративной, клановой власти и зависимости.

Следует также отметить универсальность политической власти: в ее поле могут оказаться любой социальный субъект и любая проблема (начиная от личной репутации и технических характеристик изделия, кончая религиозными, художественными или научными спорами). Тем не менее это не означает абсолютности, тотальности, безграничности политической власти, которая не оставляет места для действия неполитических механизмов саморегулирования общества. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку в современной философско-правовой литературе отмечаются попытки поставить под сомнение правомерность отделения общества от государства и обосновать не только их полное единство, но и неизбежность не просто политического, а также и государственного вмешательства в решение всех общественных проблем [4, с. 92-93].

Акцент на легальности и гласности властной политической коммуникации, а также на ее макросоциальном масштабе не позволяет исследователю уйти от ценностно-нормативного измерения власти, равно как и от проблемы ответственности властвующих и подвластных. Сфера действия разнообразных социальных норм обозначает зачастую пределы распространения властных полномочий политики. Это действие играет решающую роль в функционировании неполитических форм власти: в семье, малой группе, общественной организации, производственном коллективе властвуют нормы морали, традиции, технические и частноправовые нормы. Доминирующая мотивация такого властвования интравертна. Целью его является не внешнее достижение цели, а внутренняя самоорганизация, снятие напряженности внутри общности и её оптимизация.

Список использованных источников

1. Habermas J. Philosophisch — politische Profile/J.Habermas. — FFM: Suhrkamp, 1981.
2. Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze / J.Habermas. — Berlin, 1994.
3. Арендт Х. Vita 15ctive, или О деятельной жизни / Х. Арендт — СПб., 2000.
4. Поздняков Э.А. Философия государства и права / Э.А. Поздняков. — М., 1995.

УДК 316.4

ОГРАНИЧЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Уткевич В.А.¹, доц., Уткевич О.И.², доц.

¹ *Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,*

² *Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В статье рассматривается роль социальных ограничений в обществе. На основе «Декларации о праве на развитие» показывается, что подобного рода ограничения являются не просто важнейшими свойствами, но и неотъемлемыми атрибутами всякого процесса позитивного развития как индивида, так и общества в целом.

Ключевые слова: развитие, ограничения, общество, права, обязанности, свобода.

Всякий процесс развития, если понимать его не просто как простое количественное изменение состояния объекта, а как изменение, которое сопровождается переходом данного объекта в качественно иное состояние, уже по самой своей содержательной сущности требует наличия границы, разделяющей между собой эти различные качества. А поскольку развитие является всеобщим свойством бытия, то, следовательно, и ограничение (т.е. наличие границы) является также всеобщим, неотъемлемым атрибутом развития.

Очевидно, что любой человек с самого момента своего рождения ограничен во времени конкретными рамками своей земной жизни. Наряду с этим, человек ограничен и пространственными рамками бытия. Говоря языком экзистенциальной философии, человек живет только лишь здесь и сейчас («сейчас» – в данном контексте может означать любой квант человеческого бытия, в том числе и всю жизнь в целом). Если же соединить оба типа указанных ограничений, то в результате можно прийти к выводу о том, что человеческая

жизнь протекает в рамках ограниченного пространственно-временного континуума. Конечно, размеры этого континуума всегда носят конкретно-исторический характер. В основном его объем расширялся и, скорее всего, со временем будут расширяться дальше, но это не означает полного исчезновения указанных границ, это означает лишь их изменение.

Существует ряд индивидуальных особенностей, характерных для каждого субъекта развития. Именно целостная совокупность данных особенностей во многом определяет тот конкретный вклад в общий процесс развития, который способен внести каждый отдельный индивид. Указанную совокупность логично было бы назвать термином «субъективная ограниченность». Безусловно, в данном случае мы ведем речь всего лишь об изначальной ограниченности потенции всякого отдельного человеческого «я». Потенция эта огромна, но все же не бесконечна. Очевидно, что человек вплотную подходит к своим субъективным границам только лишь в случае ее полной реализации.

На практике главная проблема заключается не в недостаточном объеме потенции, а в том, что она может быть либо вообще не реализована, либо реализована в крайне незначительной степени. Конечно, в данном случае могут сыграть свою негативную роль причины, носящие чисто случайный характер, но, наряду с ними, важнейшей социальной причиной такого феномена является отсутствие необходимых благоприятных общественных условий для практической актуализации потенции человеческого «я». Именно социальные условия бытия индивида и являются четвертым типом ограниченности человека как субъекта развития. Отметим, что идея необходимости социальных ограничений по отношению к отдельным индивидам возникла не в XXI и даже не в XX веке. Можно смело утверждать, что они существовали во все периоды человеческой истории и у всех без исключения народов. Причем осуществлялись эти ограничения не только государством (да и само государство исторически представляет собой далеко не самый первый социальный институт), но также религиозными сообществами, семьей, производственными коллективами и другими различными социальными структурами. Кстати, если вдуматься, то одним из исходных назначений правопорядка как раз и является недопущение (с помощью практического применения соответствующих юридических норм) определенных форм и видов человеческой деятельности. Кроме того, такое недопущение осуществляется также и при помощи так называемых «неписанных» законов, норм поведения, установленных в определенном конкретном обществе.

В качестве важнейших условий социального бытия необходимо указать на существующие в обществе права и свободы, которые не являются абсолютными сущностями, а поэтому должны быть ограничены. В том числе должно быть социально ограничено и само право на развитие. В данном случае мы имеем дело с одним из основополагающих законов социального бытия, и в качестве такового он не может подлежать нравственно-аксиологической оценке. Мы можем говорить лишь о том, адекватен или нет указанный закон человеческой природе, но в любом случае его нужно принять как неизбежную объективную данность. Проблема в данном случае заключается в том, чтобы, во-первых, найти какой-то достаточно четкий критерий, с помощью которого возможно отделить неправомерные, а практические бесполезные и даже вредные социальные ограничения на развитие, от правомерных и практически полезных ограничений. А, во-вторых, создать такой эффективный механизм, с помощью которого данный критерий воплощался бы в реальной жизни.

На наш взгляд, любое общество представляет собой целостную систему, в основе динамики которой лежит развитие отдельного человеческого индивида. Вот почему каждый человек дважды ответственен за свое собственное развитие: перед самим собой и перед обществом. Именно такая двойная ответственность требует от него применения сознательных ограничений на собственное развитие. Если индивид попытается «распылить» всю энергию своего потенциального «я» на все точки пространственно-временного континуума социального бытия, то плотность этой энергии в каждой точке окажется настолько малой, что практически ее нельзя будет заметить. Свет от горящей лампочки виден на большом расстоянии, но если энергию этой лампочки поделить на энергию огромного числа сверхмалых лампочек, и равномерно «разбросать» их по всему пространству, то в этом случае множественные источники света практически невозможно будет заметить.

Приведенная аналогия имеет непосредственное отношение к проблеме сознательных ограничений отдельного человека на свое собственное развитие. Как уже подчеркивалось, независимые от воли субъекта развития, различного рода ограничения будут существовать всегда. В данном же случае речь идет о совершенно иных ограничениях, связанных именно со свободной человеческой волей. Тот, кто хочет добиться существенных успехов в своем развитии, должен сознательно ограничить это развитие некоторыми направлениями.

Конечно, мы не считаем, что человек должен превратить себя в узкого специалиста. Однако и идея «всестороннего» развития также должна иметь свои разумные границы. Причем эти границы носят индивидуальный характер. Каждый из нас должен на практике найти оптимальный баланс между всеобщим и частным в своем собственном развитии.

Важно понимать, что концепция ограничения социального развития, в настоящее время носит законодательно закрепленный международный характер. Она была подробно изложена во «Всеобщей декларации прав человека», а также в «Декларации о праве на развитие», международном правовом документе, принятом в 1986 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. Уже в самом начале данного документа отмечается, что такое развитие «является всесторонним экономическим, социальным, культурным и политическим процессом, направленным на постоянное повышение благосостояния всего населения и всех лиц на основе их активного, свободного и конструктивного участия в развитии и в справедливом распределении создаваемых в ходе его благ» [2]. Всеобщая декларация прав человека подчеркивает, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [1]. Таким образом, в этих документах указывается как на то, что права и свободы человека не являются абсолютными самодостаточными сущностями, а могут быть ограничены, так и на то, в каких именно случаях возможны данные ограничения.

Обратим теперь внимание на статью 1 «Декларации о праве на развитие». В этой статье отмечается, что «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами» [2]. В статье 2 данная мысль находит прямое подтверждение. «Человек, – отмечается в этой статье, – является основным субъектом процесса развития и должен быть активным участником и бенефициарием права на развитие» [2]. Таким образом, уже из самого содержательного смысла Декларации следует, что ограничения являются не просто важнейшими свойствами, но именно неотъемлемыми атрибутами всякого социального развития. Этот вывод можно всесторонне обосновать с помощью различных аргументов. Так, например, можно указать на то, что ограниченность процесса социального развития всесторонне детерминирована ограниченностью его главного субъекта – то есть человека. Из совокупного содержания первой и второй статей можно прийти к выводу о том, что право на развитие (а, соответственно, и само развитие) каждого отдельного человека должно быть социально ограничено. Это значит, что оно не может выходить за пределы таких социальных границ, при переходе которых либо нарушается право на развитие других людей, либо создаются различные препятствия для развития всего общества в целом.

По большому счету, оба указанных ограничения тождественны друг другу. Безусловно, тождественность в данном случае необходимо понимать не в чисто формально-логическом, а в содержательно-правовом смысле, как их взаимосвязанность в третьем. В качестве такого третьего, согласно упоминаемым международным декларациям, необходимо рассматривать универсальную идею о правах человека. Таким образом, тождественность указанных ограничений можно объяснить тем, что препятствие экономическому, культурному или любому иному развитию общества ограничивает право отдельного индивида на пользование благами развития в силу того, что само развитие будет ограничено. В свою очередь, может произойти взаимный переход причины в следствие, в результате чего ограничение в развитии отдельных индивидов приведет к замедлению развития всего общества как единого целостного социального организма.

Однако человек является не только субъектом развития, он также его средство и конечная цель. Вспомним одну из формулировок категорического императива И. Канта. Согласно этой формулировке, необходимо всегда относиться к человеку и к человечеству, в своем лице и в лице всякого другого, только как к цели, и никогда не относиться к нему, как к средству. Таким образом, несмотря на то, что человек фактически является одним из тех самых средств, с помощью которых осуществляется всякое социальное развитие, нравственно относиться к нему необходимо лишь как к конечной цели этого развития.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека. – Электронный ресурс. – Режим доступа <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> – Дата доступа

24.04.2016 г.

2. Декларация о праве на развитие. – Электронный ресурс. – Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml . – Дата доступа 26.04.2016 г.

УДК 947, 6 ("1914 – 1918")

АРГАНІЗАЦЫЯ МЕДЫЦЫНСКАЙ ДАПАМОГІ НА НЕАКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ё ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Хаданёнак В.М., ст. выкл.

*Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь*

Рэферат. У артыкуле разгледжаны асноўныя механізмы аказання медыцынскай дапамогі мясцоваму насельніцтву на неакупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны. Паказаны цяжкасці з якімі мусілі сутыкнуцца людзі ў гады ваеннага ліхалецця.

Асноўныя словы: медыцынская дапамога, лякарня, інфекцыя, Чырвоны Крыж.

Адной з асноўных праблем, якую прыходзілася вырашаць у гады вайны, было апекаванне над хворымі і параненымі. Колькасць іх няспынна расла разам з істотным наплывам бежанцаў. Арганізацыя медыцынскай дапамогі, аказанне ветэрынарных і санітарна-эпідэміялагічных паслуг на неакупаванай тэрыторыі Беларусі праходзілі са шматлікімі цяжкасці, якія перш за ўсё былі звязаны з блізкасцю фронту, з адсутнасцю неабходнай колькасці кваліфікаванага персаналу, з крытычным недахопам матэрыяльных сродкаў, лекаў і медыкаментаў, будынкаў і памяшканняў для хворых ці параненых.

Істотным чынам змяніліся і шляхі атрымання насельніцтвам медыцынскай дапамогі. Шмат якія стацыянарныя лякарні перасталі функцыянаваць. Замест іх пачалі сваю актыўную дзейнасць губернскія і павятовыя камітэты Усерасійскага земскага саюза дапамогі хворым і параненым воінам і Усерасійскага саюза гарадоў [1, с. 437 – 438]. Пры дапамозе ЗемГора ствараліся санітарныя пункты. Урачы Усерасійскага земскага саюза аказвалі медыцынскую дапамогу як параненым і бежанцам, так і мясцоваму насельніцтву праз разгалінаваную сетку ўстановаў: харчова-назіральныя пункты, інфекцыйныя баракі, эпідэмічныя і воспальшчачныя атрады, шпіталі, лазні, лазарэты, зубаўрачэбныя кабінеты [2, с. 139].

Так, па хадайніцтве Віцебскай думы Усерасійскім Саюзам гарадоў Віцебску была аказана істотная дапамога. На сродкі Саюза былі зроблены інфекцыйныя баракі на 250 ложкаў з дэзінфекцыйнымі камерамі, значна пашырана гарадская інфекцыйная лякарня (з 30 да 100 ложкаў), арганізаваны гарадскі санітарны атрад для дэзінфекцыі і перавозкі параненых. У розных частках горада для насельніцтва былі пастаўлены 7 кіпяцільнікаў і 5 новых водазаборных будак [3, с. 195].

Эфектыўна функцыянавала ад моманту свайго заснавання Мінскае таварыства па аказанні дапамогі праязджаючым хворым і параненым воінам (МТАДВ). Яно было арганізавана 28 жніўня 1914 г. і мела ў сваім складзе 183 дзейныя члены і 269 супрацоўнікаў [4, арк. 1]. Сярод іх былі такія ўплывовыя асобы як, начальнік Мінскай ваеннай акругі генерал ад кавалерыі барон Е.А. Раўш фон Траўнберг, начальнік Лібава-Роменскай чыгункі дзеючы стацкі саветнік А.Г. Генрыхсан, мінскі губернскі прадвадзіцель дваранства Далгаво-Сабураў і іншыя. Згодна са статутам, мэтай таварыства было аблегчыць становішча хворых і параненых воінаў, правозімых па чыгунках праз горад Мінск з тэатра ваенных дзеянняў, шляхам прадастаўлення ім неабходных прадметаў вопраткі, абутку, харчавання, перавязачных сродкаў і інш. [5, арк. 3].

Актыўна працавала і арганізацыя Чырвонага Крыжа. Яна займалася фарміраваннем санітарных цягнікоў, уладкаваннем ваенных лазарэтаў, забеспячэннем медыкаментамі, вяла барацьбу з эпідэмічнымі захворваннямі [2, с. 79]. У сваю чаргу дзяржава аказвала некаторую матэрыяльную дапамогу гэтай арганізацыі. Згодна з пастановай Савета Міністраў ад 1 верасня 1914 г., былі павялічаны ўстаноўленыя на карысць Расійскага таварыства Чырвонага Крыжа зборы з праязджаючых па чыгунках пасажыраў (да 10 капеек для білетаў 3-га класа, да 15 капеек для білетаў 2-га класа і да 20 капеек для білетаў 1-га класа) [6, с. 194].

На патрэбы медыцыны часам ахвяравалі даволі істотныя сумы грошай як асобныя людзі,